

НАМ ВНЯТНО ВСЁ

Федор Достоевский, Кама Гинкас и Сергей Женовач

Глеб Ситковский

Игра

ДВА СПЕКТАКЛЯ по Достоевскому сошлось в этом сезоне. То есть сошлось, конечно, больше, но два выпущено режиссерами, от которых всегда ждешь события.

Кама Гинкас. Три года ничего не ставил в Москве. «К.И. из «Преступления» — это уже его третий спектакль по Достоевскому во МТЮЗе. Спектакль, жанр которого определен как «игры в белой комнате», рассчитан на 50 зрителей и идет полтора часа. Исполняется одной актрисой и тремя детьми. Вбирает в себя лишь один мотив из «Преступления и наказания» — жизнь или, скорее, смерть Катерины Ивановны.

Сергей Женовач. Последние годы активно работает и много ставит. Один из немногих режиссеров-восьмидесятников, успешно осваивающих пространство большой сцены. К Достоевскому ранее никогда не обращался. Спектакль «Бесстыжая» (продолжительность 4 часа) в театре на Малой Бронной — первая часть триптиха по роману «Идиот». Две последующие части, «Рыцарь бедный» и «Русский свет», планируются к выходу соответственно в апреле и мае.

го света, тоже нет — только проектор за окном да обычные лампочки в комнате. Нет даже цвета: ибо, если по совести, какой же это цвет — белый?

Есть только Катерина Ивановна со своей скрипкой, или же актриса Оксана Мысина — как кому больше нравится. Гинкас отказывается от всех подручных театральных средств, оставляя себе только один инструмент — человека. Человек играет на скрипке, а Гинкас играет человеком. Он, подобно Паганини, решил продемонстрировать нам, что сумеет сыграть и на одной струне, и блестяще справляется с этим.

Кстати, в вопросе о том, чего еще нет в этом спектакле. Зрителей как таковых здесь тоже нет. Катерина Ивановна превращает зрителей в актеров, выбирая себе из их среды Друга (Родион Романович) и Врага (Амалия Ивановна). А дети К.И. в свою очередь большую часть действия просидят в углу, наблюдая за матерью как зрители. Так что дети у Гинкаса — вовсе не средство для выжимания слез. Они воплощают некий идеал «актеро-зрителя», являя собой пример для тех, кто пришел на спектакль. «Истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете...»

А Оксана Мысина — действительно хорошая актриса. Не могу представить себе на ее месте никого из вашего театра, кто спра-

ска ограничился, по преимуществу, операциями с действительными числами. Извлечь корень из «минус единицы», совершив прыжок из рационального в иррациональное над Пустотой, которая, возможно, и есть Бог, не удалось. В «Записках из подполья» такие моменты (два или три) были. Но — «дар божественных видений» потому и дар, что невозможно предсказать, когда и отчего он вдруг будет испослан...

Если бы Кама Гинкас родился в Древней Элладе, то он, наверное, стал бы пифагорейцем. Только у них можно было встретить это необыкновенное сочетание математического расчета, музыкальной стройности и устремлений в небесные сферы.

Сергей Женовач не родился бы в Древней Элладе. Он по своему складу — типично средневековый человек. В те времена художник не ощущал себя богоизбранным пророком, призванным вещь сердца людей, как это повелось в эпоху романтизма и далее вплоть до наших дней. Нет, только смиренный орудию Его и частью тварного мира был тогда художник.

Если бы Сергей Женовач родился в средние века, то он, наверное, стал бы пантеистом. В его спектаклях Бог живет «не во углах, как думают насмешники, а всюду». Воистину счастливое свойство — Женовач находит свое везде, куда ни кинет взор. Спектакль за спектаклем, он попадает в разные эпохи, разные стили, разные эстетические системы. И всюду находит жизнь. «Зеркало сцены» в его театре — это не зеркало для зрителя и тем более не увеличительное стекло. Это просто окно, в которое можно увидеть какую-то другую жизнь, разглядеть людей — таких разных и таких занятых. Женовач обладает редкой способностью удивляться и призывает зрителя удивиться вместе с ним тому, что тот многожды видел.

Его, в отличие от Гинкаса, интересует не микро-, а макрокосм. Если Каму Гинкаса можно назвать режиссером преимущественно лирического склада, то Женовач тяготеет, скорее, к эпосу. Вместишь в себя весь мир, показанный ему через роман Достоевского, — не меньше он бы не согласился.

Одна из слабостей Женовача — любовь к театральным занавесам и драпировкам. Вот и в «Бесстыжей»: открывается занавес, за ним под углом — другой, через несколько сцен откроется и он, дальше — еще... Кажется, что ряд этих занавесов бесконечен, и за каждым из них скрывается какая-то жизнь — новая и другая. «Мне все казалось, что если пойти все прямо, идти долго-долго и зойти вот за эту линию, за ту самую, где небо с землей встречается, то там вся и разгадка, и топчась же новую жизнь увидишь, в тысячу раз сильней и шужней, чем у нас». Эта фраза, оброненная князем Мышкиным в гостинице сестер Епанчиных, по-моему, как нельзя более точно характеризует ощущения от спектакля. Моментами кажется, что вот она, та самая линия, за которой откроется сейчас что-то важное и замечательное. Но нет — это всего лишь эстетический обман, и действие, зависнув на секунду, катится дальше.

Женовач не зря выбрал именно «Идиота», роман о «положительно прекрасном человеке», как не случайно в свое время Гинкас взял повесть о «злом» и «больном» человеке. Гинкас, трагующий Достоевского как «жесточкий талант», и сам «жесток» в своей эстетике — по отношению к актеру, по отношению к зрителю. Женовача привлекает другое: взлунуть на этот несчастный мир глазами Льва Николаевича Мышкина и пожалеть его. Если Гинкаса у Достоевского больше всего волнует показ человеческого страдания, то для Женовача главным остается сострадание.

Кто из этих двух режиссеров оказался ближе к великому богоскителю? Отказываюсь отвечать на этот вопрос. Спектакль Камы Гинкаса можно охарактеризовать как безусловную удачу, «Бесстыжее» — как удачу относительную. Но «Идиот» еще не дочитан до конца. И может быть, «если пойти все прямо, идти долго-долго и зойти вот за эту линию...»

Бесстыжая Н.Ф. с князем Мышкиным (Ирина Розанова и Сергей Тарамаев).

Фото Ольги Чумаченко

Большее несходство трудно и вообразить...

«К.И.» у Гинкаса вышла еще в конце ноября. Чему можно уподобить это зрелище? Ну представьте себе, что вы, скажем, едете в метро. Вы и еще 50 пассажиров. Состояние каждого — блестящая иллюстрация к тезису Станиславского о «публичном одиночестве». Но вот на одной из станций в вагон входит женщина неопрятного вида (наверное, обычная городская сумасшедшая, каких много) и начинает задирает вас, во всеуслышание рассказывать о своей жизни, требуя от вас сочувствия. Неожиданно вы попали в центр всеобщего внимания, и неизбежно, как теперь себя вести. Ответная реакция у каждого своя: кто-то начинает смеяться, кто-то еще больше замыкается в себе, каменея лицом, кто-то глядит на бедную дурочку с состраданием. Если добавить, что с женщиной в вагон вошли трое детишек, которых она заставляет просить подаяние, то это и будет более или менее адекватным описанием спектакля Камы Гинкаса. С одним отличием: мы с вами все же никуда не едем, мы — в комнате с белыми стенами, белым полом, белыми креслами, белым потолком и белым окном, за которым иногда идет белый снег.

Назвать театром то место, где мы очутились, язык не поворачивается. Сцены — нет, сценографии — нет, костюмов — практически нет (для куцых пальтишек неопределенного цвета больше подходит слово «одежда»), света, театрально-

жилас бы с этой адской задачей. В ее исполнении «личность из бытия становится событием», как писал Михаил Бехтин, рассуждая о проблемах творчества Достоевского.

Только один раз — в конце спектакля — вступает фонограмма. Музыка, нисходящая непонятно откуда, близка почти к инфразвуку. Говорят, что такой звук бывает при землетрясениях, и именно он — причина паники, охватывающей людей. У Гинкаса разверзается не земля, а небо. Сверху спустится не лестница, но «лестница, возводящая на небо», и Катерина Ивановна будет бессильно биться об твердь потолка, требуя, чтоб ее пропустили. Метафора немного «в лоб», но — действует.

Спектакль Гинкаса — предельно жесткая и одновременно гибкая конструкция. При том, что Гинкасом просчитано, казалось бы, все, амплитуда того, что актер обычно определяет как «сегодня удачный спектакль» или «сегодня плохой день», очень велика. Оно и понятно: очень уж чувствительная это аппаратура — человек. Еще более чувствительная, чем скрипка.

«К.И.» дает наглядное представление о том, что же это такое — «жар холодных чисел». Холодные числа Гинкаса — без всяких метафор — бросают зрителя в самый что ни на есть настоящий жар. Иногда мне начинает казаться, что режиссером подсчитано даже количество адреналина, выталкиваемого в зрительскую кровь. Но... как бы это сказать... Мне представляется, что нынешний спектакль Гин-